

Откуда вы приходите, слова,
исполненные доброго доверья?
По-моему, оттуда, где трава.
По-моему, оттуда, где деревья.
Нам переходы света и теней
за древними лесными деревьями
покажутся резными теремами,
возникшими из света и теней.
А дальше будет глуше и темней,
и тропка лисья станет неприметной.
Она и вправду стала неприметной,
а все-таки давай пойдём по ней,
пойдём на ощупь,
ветки раздвигая.
Эге-ге-гей! Ну где же вы, слова?
«Слова, слова!..» —
вздыхают робко листья,
и тропка поворачивает лисья
туда, где в листьях прячется сова.
А может, так же спрячутся слова
за пнями
и замшелыми камнями?
Слова — они, наверное, корнями,
как деревья,
уходят в глубину.
И тропка нас уводит в старину,
туда, где бродит пращур волосатый

по травам, не имеющим названья,
где снег летит, не названный еще,
поет еще не названная птица
и звезды,
у которых нет названья,
в дремучих отражаются очах.
И пращура охватывает трепет,
едва доходит до его сознания,
какая тяжесть на его плечах.
В нем глухо пробуждается художник,
и, сладкие испытывая муки,
он ждет вас, нерожденные слова.
Он что-то удивительное лепит,
мешая краски, запахи и звуки.
Сначала это только смутный лепет,
и вдруг он превращается в слова.
Тогда травой становится трава,
а этот сумрак зыблющийся — лесом,
а этот холод падающий — снегом,
а это чудо маленькое — птицей.
И я беру из рук его слова.
Они еще звенят, как тетива
и как стрела,
что пущена из лука.
Они из цвета, запаха и звука.
На них еще не высохла роса.
В них травы отразились и деревья.
И у меня кружится голова,
пока я их несу тебе —

слова,
исполненные доброго доверья.

Древнее,
 неразгаданное пространство
смотрит на землю
 холодно и бесстрастно.
В темных глубинах
 маленькой светлой точкой
спутник сейчас проходит
 орбитой точной.
Чтоб заглянуть
 в безвестные те высоты,
ни к чему ни двадцатый этаж,
 ни сотый.
Лучик зеленый,
 парящий в туманных сферах,
виден отчетливо
 в этих осенних скверах,
где под грибком раскрашенным
 из фанеры
утром играют в шашки
 пенсионеры,
где возле булочной
 пахнет горячей сдобой —
здесь, на земле этой будничной,
 строгой и доброй.

Сигарета с фильтром
дымит, дымит медленно.
А много ли истрачено
того тепла женского?
Давно война кончена,
и спросить не с кого.
А вы все боль копите,
в вине горе топите —
то ли горе топите,
то ли в море тонете.
Тонете, тонете,
уже не просыпаетесь,
и лишь на дне снится вам,
что вы просыпаетесь.

К птичьему прислушиваюсь крику.
Вижу только море вдалеке.
Море ходит. Море пишет книгу.
Книгу о себе. О старике.

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок.
Медленно стихающий прибор.
Что такое старость? Поединок.
С берегами. С временем. С судьбой.

Днища рассыхаются у лодок.
Черный борт ракушками оброс.

Призрачность улова. Сеть уловок.
Кто кого? Неведомо. Вопрос.

Как в корриде, перед мордой бычьей.
Та же несущественность улик.
Быть с добычей — или стать добычей.
Только это. Выбор невелик.

Только это. Прочее — подробности.
Этим и подробности полны.
Ощущенье краткости и дробности.
Напряженной сжатости волны.

Только волны. Волны, за которыми
набегают волны, в свой черед.
Это все подчеркнуто повторами.
Взад-вперед. И снова — взад-вперед.

Белый — синий. Белый цвет и синий.
Дни и годы. Годы и века.
Та же повторяемость усилий.
То же повторение рывка.

Поплавок неверен и обманчив.
По воде расходятся круги.
И тогда на свет выходит мальчик.
Он глядит на свет из-под руки.

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок.
Слабенькая детская рука.

Вьется леска. Длится поединок.
Лишь вода — темна и глубока.

Огонь

Печной огонь.
Ночной огонь на Трубной.
Ручной,
и неопасный потому.
А он живет
своею жизнью трудной,
и незачем завидовать ему.
Не то что в керогазах —
в паровозах
не смеет он считать себя огнем.
Он всем необходим.
Но в малых дозах.
Чтоб суп варить.
Чтоб руки греть на нем.
А у него
огромные размеры,
и, полумеры
люто не терпя,
он иногда
теряет чувство меры,
стремясь полнее выразить себя.
Его солдаты яры
и поджары.

и святейших соборов,
 которыми труд мой не признан.
О природа,
 единственный бог мой!

 Частица меня
пребывает в тебе
 и пребудет
 отныне и присно!

Остаюсь на костре.
 Мне из пламени выйти нельзя.
Вот опять и опять
 мои руки веревками вяжут.
Но горит мое сердце,
 горит мое сердце, друзья,
и в глазах моих темных
 горячие искорки пляшут.

Промельк мысли. Замысел рисунка.
Поединок сердца и рассудка.
Шахматная партия. Дуэль.
Грозное ристалище. Подобье
благородных рыцарских турниров —
жребий брошен, сударь,
 нынче ваш
выбор — пистолеты или шпаги.

(сердце бьется, сердце не сдаётся),
тук да тук,
 все громче,
 тук да тук
(в ритме карандашного наброска,
в ритме музыкального рисунка,
в ритме хореической строки) —
чтоб всей силой
 страсти и порыва,
взрыва,
 моментального прорыва,
и, в конце концов,
 ценой разрыва
победить,
 рассудку вопреки!

Вот мною не написанный рассказ.
Его эскиз.
Невидимый каркас.
Расплывчатые контуры сюжета.
А самого рассказа еще нет,
хотя его навязчивый сюжет
давно меня томит,
повелевая —
пиши меня,
я вечный твой рассказ,

пиши меня
(и это как приказ),
пиши меня
во что бы то ни стало!..

Итак, рассказ о женщине.
Рассказ
о женщине,
которая летала,
и был ее спасительный полет
отнюдь не цирковым аттракционом,
а поиском опоры и крыла
в могучем поле гравитационном
земных ее бесчисленных тягот...
Таков сюжет,
уже который год
томящий мою душу неотступно —
не оттого ль,
что, как сказал поэт,
я с давних пор,
едва ль не с детских лет,
непоправимо ранен женской долей,
и след ее,
как отсвет и как свет,
как марево над утренней рекою,
стоит почти за каждой строкою,
когда-либо написанною мной?..

Таков рассказ. Его сюжет сквозной.
О чем же он? О женщине. Одной.

(И не одной.)
Навязчивый сюжет,
томящий мою душу столько лет,
неумолимо мне повелевая —
пиши меня,
я вечный твой рассказ,
пиши меня
(не просьба, а приказ),
я боль твоя,
я точка болевая!..
И я пишу.
Всю жизнь его пишу.
Пишу, пока живу. Пока дышу.
О чем бы ни писал —
его пишу,
ни на мгновение не переставая.

Не там, где сходятся,
где встреча
и на ромашках ворожат,
где, губ не пряча,
не перечая,
уже собой не дорожат, —
совсем не там,
а много позже
есть час,
незнаемый тобой,

где две судьбы,
еще не схожих,
одной становятся судьбой.
А до того,
в горах плутая,
на крутизну,
под облака
тебя ведет тропа крутая,
не проторенная пока.
Секут дожди
и почву месят,
грозя обвалами камней.
...Который год,
который месяц
иду к тебе,
а ты ко мне.
О, как тропа моя извита,
и ты на ней
в иные дни
то вдруг теряешься из виду,
а то —
лишь руку протяни.
И снова пропасть под ногами
непостижимой глубины,
и равнодушными снегами
мы, как стеной,
разделены.
В пути застигнуты пургою.
С дороги сбились.

Но весной
все начинается другою,
неповторимой новизной.
И я смеюсь над буревалом,
где страх меня одолевал,
где я грустил,
за перевалом
увидев новый перевал.
Ломая кромку ледяную,
опять бежит моя тропа
туда, где сходится вплотную
с твоей судьбой
моя судьба.

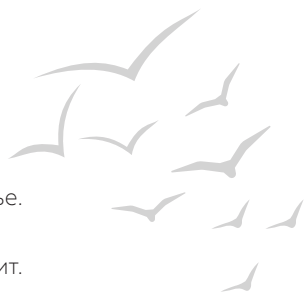

Моя любовь к тебе — как горная вершина
или волна солоноватая морская.
Все, чем я жил и чем живу, она вершила,
ни на минуту от себя не отпуская.

Я видел, как она растёт и как шагает,
то сокрушительна, а то нетороплива.
Она то стужей леденит, то обжигает,
пора прилива у нее, пора отлива.

Она не бросит ни за что, но и не просит
бежать за ней, когда за дверью непогода.
Она раскинется тайгой, где нету просек,
а то прикинется рекой, где нету брода.

Тихо выходим из дому —
я и стихотворенье.
Мутную тишь дремотную
ранняя птаха будит.
Нет у меня солидности,
видимо — и не будет.
Дачу еще не выстроил,
не обзавелся чином.
Толстую палку выстрогал
ножиком перочинным.
Иду не спеша, помалкиваю,
палкой своей помахиваю,
с мокрой травы в лесу
стряхиваю росу.

Лес лопочет у окна
в полудреме.
Женщина живет — одна
в чужом доме.
Дом не брошен, не забит.
Войди в сени —
и почувствуешь: забыт,
забыт всеми.
Полумрак и тишина,
ничего кроме.
Женщина живет — одна
в чужом доме.

На диване дремлет кот
ожирелый.
Муж ей дарит в Новый год
ожерелье.
Он ей много покупал,
много купит.
Тянутся к ее губам
его губы.
Занавешено окно,
постель постлана.
Все вокруг занесено.
Уже поздно.
Лес бормочет у окна
в ночной дреме.
Женщина живет — одна
в чужом доме.

Как медленно тебя я забывал!
Не мог тебя забыть,
а забывал.
Твой облик от меня отодвигался,
он как бы расплывался,
уплывал,
дробился,
обволакивался тайною
и таял у неближних берегов —
и это все подобно было таянью,
замедленному таянью снегов.

Все таяло.
Я начал забывать
твое лицо.
Сперва никак не мог
глаза твои забыть,
а вот забыл,
одно лишь имя все шепчу губами.
Нам в тех лугах уж больше не бывать.
Наш березняк насупился и смолк,
и ветер на прощанье протрубил
над нашими печальными дубами.
И чем-то горьким пахнет от стогов,
где звук моих шагов уже стихает.
И капля по щеке моей стекает...
О, медленное таянье снегов!

К морю стремился,
морем дышал на юге.
Но когда мое сердце
слушать начнут врачи —
они услышат отчетливо
посвист вьюги
и голос филина,
ухающего в ночи.
Бьет кабарга копытцами
дробно-дробно.
Бьется над логом
сохатого трубный зов.

Это Сибирь
в груди моей
дышит ровно
всей протяженностью
древних своих лесов.

Это во мне
снега по весне не тают
и ноздреватый наст
у краев примят.

Птицы Сибири
в груди у меня
летают.

Реки Сибири
в крови у меня
гремят.

Это во мне
медведи заводят игры,
грузно кряжи качаются
на волне.

Ветер низовый.
Кедры роняют иглы.

Хвойные иглы —
это во мне, во мне.

Это во мне поднялся
и не стихает
ветер низовый,
рвущийся напролом.

Смолка
по старой лиственнице стекает.

Бьет копалуха раненая
крылом.
Я уйду из вьюги,
из белой вьюги.
Лодка моя качается
на волне.
Еду куда-то.
Морем дышу на юге.
Белые вьюги
глухо гудят во мне.

ВДОВЫ

Как части гарнизона,
погибшего за Брест, —
бессменно и бессонно
несут они свой крест.

Без жалобы и вздоха,
грядущему на суд,
тебе на суд, эпоха,
свой крест они несут.

Давно ушли мужчины
от этих берегов.
Оставили морщины.
Оставили врагов.

Оставили негусто,
уйдя в небытие.
Нетленное искусство.
Бессмертие свое...

Бессмертные романы.
Посмертные листы.
А между тем карманы —
пусты они, пусты.

Но вечно ждать готовы —
всё ждут, что позовут, —
седеющие вдовы
надеждою живут.

Всё верят, что воздастся
за совесть и за честь.
Что рукопись издастся,
и смогут все прочесть.

И что один приятель,
им преданный навек,
талантливый ваятель,
но бедный человек,

украсит ту могилу,
тот холмик некрутой,
надгробною фигурой,
гранитною плитой...

Посмертная страница.
Бессмертная строка.
Но все это хранится
в безвестности пока.

Но вечно ждать готовы,
всё ждут, что позовут, —
седеющие вдовы
надеждою живут.

Живут, свое оплавав.
Глотают стужу ртом.
Платонов и Булгаков,
мы встретимся потом.

Минуты этой ради
хранят они года
те общие тетради
их общего труда.

Хранят светло и нежно,
и всё у них в былом.
Но вера и надежда
сидят за их столом.

Все сущее мечено временем.
А вот замечается вновь,
что время рифмуется с бременем,
с любовью соседствует кровь.

Старинные связи не сломлены
и медленно сходят на нет —
так прочно они обусловлены
всем опытом прожитых лет.
Нам годы минувшие помнятся,
не так наша память слаба.
А все же смотрите, как полнятся
значением новым слова.
Иные уходят в предание,
иные лишь стали верней.
Я в будущем вижу братание
не схожих по виду корней.
Надежными узами связаны,
сроднившись на все времена,
там пальмы рифмуются с вязами,
с планетою нашей — луна.
И больше не кажется странностью, —
то детям известно давно, —
что время рифмуется с радостью,
что людям созвучно добро.

Узнаю тебя, жизнь, принимаю...

Приближаясь к спокойному устью,
оставляя все дальше исток,
иногда с неосознанной грустью
календарный срываю листок.

Я с непрожитых чисел снимаю
отслужившее службу число,
будто парус рукой поднимаю,
заношу над водой весло.

И несут меня быстрые воды,
только веслами крепче ударь, —
и смещаются даты и годы,
и летит со стены календарь.

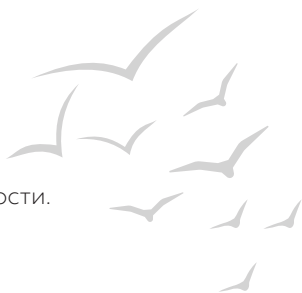
Ты узнай меня, мама родная!
Это я, в гимнастерку одет,
прохожу от Днепра до Дуная
и старею на тысячу лет.

Я усы фронтовые не брею.
В них впитался махорочный дым.
Я мужаю, взрослею, старею
и опять становлюсь молодым.

Засыпаю при сполохах красных.
Прохожу в перекрестном огне.
И как будто два возраста разных
по-соседски ужились во мне.

Так живут в сочетании света
и осенней лесной полутьмы
все приметы недавнего лета
и предчувствие близкой зимы.

Кто-то пишет письмо,
где клянется в верности.
И на всем —
загадочный отблеск
вечности.

Это грустное дело —
езда в неизвестное.
Ведь не каждый приедет туда,
в неизвестное.
Кто-то ночью сходит
на тихой станции
и уже остается
на этой станции.
Полыхает небо
в туманной млечности.
И на всем —
обманчивый отблеск
вечности.
Но прекрасное дело —
езда в неизвестное!
За какой-то березкой,
давно знакомою,
в тишине открывается вдруг
неизвестное —
неизвестное,
странное,
незнакомое.
Осторожно вглядываемся
в незнакомое,

будто видим что-то в нем
незаконное.

А оно все ширится,
незнакомое,
еще в рамки привычности
не закованное.

О, сигнал отправления!
Ветер скорости.

Вечный путь от скованности
к раскованности.

Обновление жизни.
Езда в неизвестное.

Покатилась где-то звезда
в неизвестное.

Никакой законченности
и увенчанности.

Только этот
незыблемый отблеск
вечности.

Мое поколение

И убивали, и ранили
пули, что были в нас посланы.
Были мы в юности ранними,
стали от этого поздними.